Студенческие годы на факультете психологии ЛГУ

Факультет психологии ЛГУ. 1967 г.
Дворец графа А. Г. Бобринского, ул. Красная, д. 60

В 1971 г. на новых факультетах психологии Московского и Ленинградского государственных университетов произошло знаменательное событие – выпуск молодых специалистов первого 1966 г. приема. Это был важный рубеж в истории высшего психологического образования в нашей стране. Факультеты были образованы на базе отделений психологии, которые существовали в МГУ с 1943 г., а в ЛГУ с 1944 г.

Первый прием на факультет психологии ЛГУ происходил летом 1966 г. Интерес к вновь открывшемуся факультету был велик, и конкурс был значительным, несмотря на слабую осведомленность молодежи 1960-х гг. о факультете да и о самой профессии психолога. На первый курс дневного отделения принимали 50 человек, которые должны были успешно сдать экзамены по физике (устно), математике (письменно), истории СССР (устно), литературе (сочинение) и пройти по конкурсу. Переживаний было много, так как экзамены были трудными, конкурс – большим, и не все даже очень подготовленные абитуриенты его выдержали.

Учебный план и программы соответствовали предмету и структуре психологической науки, ее междисциплинарным связям, а главное, характеру научной школы. Учебный план отличался широтой и фундаментальностью. Он включал в себя следующие учебные дисциплины: общая психология (на 1–3-м курсах читали Б. Г. Ананьев, Л. М. Веккер, И. М. Палей), экспериментальная психология (1–4-й курсы, лекции читали Б. Ф. Ломов, В. П. Лисенкова, В. К. Гайда, Т. П. Зинченко, Ю. М. Забродин, Н. А. Розе), сравнительная психология (Н. А. Тих), инженерная психология (А. А. Крылов), возрастная психология (Е. Ф. Рыбалко), история психологии (Е. С. Кузьмин), социальная психология (сотрудники кафедры и лаборатории социальной психологии), психология труда (М. А. Дмитриева), патопсихология (Т. А. Немчин), теория измерений в психологии (Г. В. Суходольский), математическая психология (В. П. Сочивко), психогеронтология (М. Д. Александрова), дефектология (А. В. Ярмоленко), экстремальные условия (В. Л. Марищук).

Были еще оригинальные спецкурсы. На специализации общей и дифференциальной психологии читались «Введение в комплексные исследования человека» (Б. Г. Ананьев), «Психология познания» (Л. М. Веккер), «Избранные проблемы психологии личности» (В. Н. Мясищев), курсы по теории личности (В. К. Гербачевский), соматологии (Г. И. Акинщикова), акмеологии, а также по практике лонгитюдных исследований (Б. Г. Ананьев и сотрудники его лаборатории).

Весьма основательным был цикл естественно-научных дисциплин и математики: общую биологию нам читал первооткрыватель фитонцидов, Герой социалистического труда Б. П. Токин; генетику – крупный генетик М. Е. Лобашов, как нам говорили его сотрудницы, прототип главного персонажа романа «Два капитана» Вениамина Каверина; морфологию и эволюцию нервной системы – В. А. Бианки, исследователь эволюции билатеральности головного мозга. Курс антропологии длился два семестра, его вела Г. И. Акинщикова. Были

ISSN 1995-865X. Вестник НГУ. Серия: Психология. 2011. Том 5, выпуск 2
© Н. А. Логинова, В. И. Кабрин, Л. В. Меньшикова, 2011

еще общий курс анатомии и физиологии человека, физиология труда (Е. П. Ильин), высшая математика, вариационная статистика (Г. В. Суходольский), введение в кибернетику (В. А. Ганзен), основы радиоэлектроники. Не все шло гладко в учебном процессе. Ведь это был период отладки учебных курсов, апробирования учебных планов, освоения новых тем самими преподавателями. Но когда просматриваешь старые студенческие тетради, то удивляешься, сколько мы всего изучали, и на каком высоком научном уровне преподавались учебные дисциплины. В записях, сделанных на лекционных занятиях, можно увидеть массу числовых данных, формул, графиков. Все теоретические положения подтверждались большим количеством эмпирического материала. На семинарах разбирались сложные методологические проблемы психологии, причем подготовка основывалась только на чтении оригинальных текстов, интернета тогда еще не было, и скачать чужой реферат или доклад было невозможно, учились на совесть.

Учебный план был нацелен на формирование фундаментальных и разносторонних знаний, необходимых для профессиональной деятельности психолога в области научных исследований, преподавания и психодиагностики. В меньшей степени, чем в настоящее время, он был направлен на практическую деятельность. Тем не менее наших учителей заботил вопрос о внедрении психологии в различные сферы жизни. Понимая ее объективную необходимость для общества и каждого человека, они уделяли внимание не только теории, но и многим практически полезным умениям и навыкам. Так, на специализации по общей и возрастной психологии мы получили редкий опыт монографического изучения индивидуальности. Мы составляли психографии, пытаясь дать интегральное описание структуры личности изучаемых лиц на основе многоуровневых и разнообразных эмпирических данных о них из фонда лаборатории антропологии и дифференциальной психологии, а также учитывая материалы, собранные нами самими.

Признанным лидером, идеологом и организатором психологического образования и школы психологов ЛГУ – СПбГУ является Борис Герасимович Ананьев. Он создал антропопсихологическую теорию, положенную в основу исследовательских программ факультета, сформировал комплексный подход к изучению человека, организовал ряд коллективных исследований и лично участвовал в воспитании более 700 психологов. Большую роль в воспитании научной психологической школы с центром в ЛГУ сыграли его соратники, вместе с ним пришедшие в университет из Института мозга им. В. М. Бехтерева и продолжившие лучшие традиции этого уникального научного учреждения. Мы еще застали некоторых из основателей психологического отделения ЛГУ (отделение открылось в 1944 г.). В лице наших старших учителей мы соприкоснулись с русской интеллигенцией, учившейся еще в дореволюционной гимназии. Это В. Н. Мясищев, Н. А. Тих, А. В. Ярмоленко, Е. И. Зейлигер-Рубинштейн (кстати, близкая родственница С. Л. Рубинштейна), вышеупомянутый Б. П. Токин. Среднее по возрасту поколение преподавателей составляли те люди, кто в годы Великой Отечественной войны воевал, оборонял Ленинград. Нам преподавали прямые ученики самого В. М. Бехтерева, питомцы бехтеревского Института мозга. Преемственность научных школ В. М. Бехтерева и Б. Г. Ананьева можно проследить во всех идеях и направлениях научных исследований. Атмосфера научной школы, переживавшей в годы нашего обучения свой расцвет на факультете психологии ЛГУ, имела огромное значение для формирования мировоззрения и интеллекта студентов.

Фундаментальность нашего психологического образования не помешала многим выпускникам университета успешно заниматься практической психологией. Значительный вклад в развитие прикладных направлений психологии внесли преподаватели факультета психологии СПбГУ В. М. Аллахвердов, Н. Е. Водопьянова, Т. Н. Курбатова, В. А. Чикер, а также первоклассные специалисты по судебно-психологической экспертизе Э. Л. Хайт, психодиагностике и психокоррекции неврологических больных Е. А. Ивановская (Леванова), В. А. Журавель, консультанты по психологии развития личности Е. И. Тютюнник, Е. З. Фришман, Л. Ф. Шеховцова.

Группа выпускников направилась в сибирские вузы. Борис Герасимович надеялся, что там они создадут новые центры психологического образования, науки и практики. Так и случилось. В Томске успешно работали Марина Холодная и Валерий Кабрин, в Новосибирске – Лариса Меньшикова, Евгения Тютюнник, Лариса Шеховцова, Эстер Хайт, Александр Галин.

В Тольятти на новый тогда автозавод поехал психологом службы НОТ Валерий Климович, наши однокурсники эстонцы Вольдемар Колга, Петер Ээбик, Койт Ятса направились в Таллин. Профессиональная жизнь у всех сложилась по-разному. Есть среди наших однокурсников не только психологи, но и те, кто в силу жизненных обстоятельств и обнаруженного позднее нового призвания выбрали иной путь: это и бизнесмен Петр Карпов, и священник Владимир Цветков, и искусствовед Владимир Мурашко.

Из пятидесяти человек первого выпуска десять стали докторами психологических наук. Это М. А. Холодная (Бергер, защита в 1990 г.), Н. А. Логинова (1991), В. И. Кабрин (1993), В. М. Аллахвердов (1994), В. И. Слободчиков (1994), У. А. Винокурова (Лаптева, д-р социол. наук, 1995), Н. В. Гришина (1996), Л. В. Меньшикова (1998), Л. Г. Шеховцова (2002), Л. Г. Почебут (2003). Немало из первого выпуска кандидатов наук: Т. Н. Курбатова (Анисимова), Н. Е. Водопьянова (Дмитриенко), А. Л. Галин, В. И. Кочнев, С. А. Лукомская (Иванова), А. Отюгов, В. К. Сафонов, Е. З. Фришман, В. А. Чикер (Караштина).

Первые выпускники факультета психологии Ленинградского университета заслужили государственное и общественное признание. В. М. Аллахвердов и Н. В. Гришина – лауреаты премии СПбГУ «За научные труды» (2005, 2009), У. А. Винокурова награждена почетным знаком «За заслуги перед малочисленными народами», избиралась депутатом Государственного собрания Республики Саха (Якутия), Н. А. Логинова – лауреат премии им. С. Л. Рубинштейна Российской академии наук (2008), Л. Г. Почебут награждена Почетной грамотой Министерства образования и науки Российской Федерации (2009), В. И. Кабрин, Л. В. Меньшикова, Л. Ф. Шеховцова имеют знак «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации». Выдающиеся исследования М. А. Холодной по проблеме интеллекта отмечены премией Президента Российской Федерации в области образования (1999).

В предлагаемых ниже воспоминаниях нам бы хотелось прежде всего отдать должное нашим прекрасным учителям и рассказать о них студентам-психологам нового поколения, передать им частицу того времени и той атмосферы творческого поиска, которая царила в годы нашего обучения на факультете психологии Ленинградского университета.

Н. А. Логинова, В. И. Кабрин, Л. В. Меньшикова

ВОСПОМИНАНИЯ О СТУДЕНЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Наталья Анатольевна Логинова

доктор психологических наук, профессор кафедры психологии развития и дифференциальной психологии Санкт-Петербургского государственного университета

Если бы не стечение обстоятельств и счастливые случайности, я ведь могла оказаться совсем в другом городе, другом университете, среди других людей. Но все случилось так, как случилось. На мое счастье.

Я оканчивала школу и уверенно шла на золотую медаль. Моя гуманитарная натура (папа – литератор, журналист, две тетки – филологи, вся моя детская жизнь – с книгой) томилась в поисках призвания. Надо было слушать внутренний голос, но в моде была физика, я ее любила и потому чуть не поступила на физфак МГУ. Вовремя Бог увел. Я сдала отлично один экзамен на исторический факультет Казахского государственного университета в родной Алма-Ате и получила целевое направление в Ленинградский государственный университет на только что открывшийся факультет

психологии. В Ленинграде до того я была один раз вместе с большой группой учеников моей алма-атинской школы. Никого из знакомых или родных у меня там не было. Страшновато было уезжать надолго из родного дома в далекий, непонятный и холодный город на Неве.

Прибытие мое в Ленинград и появление в стенах ЛГУ отмечено тревогой неустроенности, тоской по дому и одиночеством. Однако вскоре все это прошло. В колхозе «на картошке» появились подруги и товарищи с факультета. А уже первый месяц занятий сразу открыл искомую истину – это то, что надо моей душе, это мое. Все прекрасно. Великолепно учиться на психологическом факультете и жить в Ленинграде.

Очень напряженной была первая, зимняя сессия. Никто не знал, каков уровень требований, как вообще выглядит эта сессия. Более всего запомнились зачет по книге С. Л. Рубинштейна «Бытие и сознание» и экзамен по сравнительной психологии. Из книги Сергея Леонидовича нас особенно озадачило слово «бифуркация». Все спрашивали друг друга, что это такое, и даже в словарях не смогли найти объяснение. Сравнительную психологию было трудно сдавать, так как совсем мало было литературы. В списке нашего чтения значились, например, раритетные книги В. А. Вагнера, Л. С. Выготского. Найти их можно было только в большой библиотеке, за ними стояли в очередь.

Н. А. Логинова. 1966 г.

Мы, иногородние поселились, как было заведено для первокурсников, в общежитии в Старом Петергофе. Зимнее утро без признаков солнечного света, мелькают, как тени, фигурки студентов, бегущих по заснеженным тропинкам к электричке и бесстрашно шмыгающих через рельсы почти под носом у поезда. Вечное недосыпание и безудержное веселье на переменах, вечерами в студенческой компании. Самой веселой была Маша Бейсембиева, наша артистка (она занималась в театральной студии у О. Райхельгауза. Он сейчас известный московский режиссер, а тогда только начинающий). Самой увлеченной наукой была Марина Холодная, что не мешало ей оставаться дружелюбной и компанейской. Самым непредсказуемым и странным – Владимир Мурашко. Мой папа, наслушавшись моих рассказов о его чудачествах, сказал как-то: «Без таких людей скучен был бы наш мир». Так оно и есть. Представьте, посмотрев новый фильм «Белое солнце пустыни», Володя в тот же день купил авиабилет и улетел куда-то в Узбекистан. Там отправился своим ходом по пустыне, пока пограничники не остановили. Пришлось возвращаться домой, не испытав всех острых ощущений от такого вот экстремального туризма.

Все пять лет студенчества я жила в одной комнате с Марией Бейсембиевой и Ларисой Меньшиковой. Уживаться было не просто. Но мы сильно привязались друг к другу и дружим до сих пор. Скучаю по Ларисе и стараюсь видеться с ней чаще, хоть она живет далеко, в Новосибирске.

В 1969 г., когда мы учились на 3-м курсе, отмечали 150-летний юбилей ЛГУ. Хорошо помню тот уже далекий праздник образования и науки. В юбилейных мероприятиях мне открылась славная история университета и укрепилась радость и гордость за то, что я приобщилась к ней. С особым чувством слушали мы ярчайшие выступления наших профессоров. В них звучал гимн Петербургу-Ленинграду и его интеллигенции. Она – цвет нации, ее ум и совесть. То, что это именно так, было ясно из непосредственного общения с нашими учителями. Этот были крупные уникальные личности, индивидуальности. Вспоминаю самого дорогого моему сердцу Учителя Бориса Герасимовича Ананьева. Именно его лекции и общение с ним навсегда определили мой выбор психологии как главного дела жизни. Под руководством Б. Г. Ананьева я защитила дипломную работу об эвристическом мышлении и начала учиться в аспирантуре факультета психологии и разрабатывать тему «Биографический метод в психологии и смежных науках». Эта тема увлекала еще на третьем курсе, после того, как мы прослушали лекцию Бориса Герасимовича об этом методе и психобиографическом анализе Александра Блока. Мой первый отчет о работе над диссертацией был в виде лекции для студентов 3-го курса и получил одобрение руководителя. К несчастью, Борис Герасимович

скоропостижно скончался 18 мая 1972 г., и я завершила кандидатскую диссертацию уже без него.

Впечатления от его уникальной личности не тускнеют с годами в сознании. Они становятся глубже и переосмысливаются в контексте новых событий и поворотов моей жизни и по мере умственного и личностного развития. Творческая и человеческая индивидуальность этого человека стала для меня маяком на жизненном пути.

Борис Герасимович Ананьев

Нашему курсу особенно повезло – мы были первыми универсантами, на которых проводили всевозможные психологические, психофизиологические, антропологические измерения по ананьевской программе комплексных исследований человека. Программа была отработана на нас, а мы учились в процессе ее реализации – сначала в качестве испытуемых, потом и в качестве сотрудников. Это была настоящая научная школа, где можно было узнать, пережить и понять все моменты научного исследования и совместного творчества под руководством Мастера.

Б. Г. Ананьев организовывал клинические обсуждения индивидуальности каждого из нас на специальных заседаниях лаборатории дифференциальной психологии и антропологии. Его сотрудники докладывали свои научные результаты по каждому студенту, а потом происходил синтез данных в форме психографии – психологической монографии о конкретном человеке, студенте нашего курса. Мне бы очень хотелось узнать, что же говорили мои учителя обо мне, и какие прогнозы моего развития давал сам Борис Герасимович. Но, конечно, те обсуждения проходили в профессиональном кругу и были недоступны для нас, студентов. Впрочем, неподдельный интерес и внимание к нашему развитию мы чувствовали постоянно.

Помню, в 1967 г., осенью Борис Герасимович пришел к нам, второкурсникам и поручил написать историю психологии в Санкт-Петербургском – Ленинградском университете. Коллектив нашего курса был разбит на четыре бригады, каждая из которых писала курсовые работы по определенному историческому периоду. Моей бригаде было поручено подготовить биографический словарь о выпускниках факультета психологии ЛГУ. Месяца три мы искали адреса, ходили по квартирам бывших выпускников, переписывались с иногородними, рылись в архиве университета и в итоге собрали ценный материал о судьбах и достижениях наших предшественников – универсантов.

Наши учителя отличались подлинным демократизмом. Эта особенность свойственна всем настоящим ученым и всегда присутствовала в классических университетах. Демократизм не декларировался, он был нашим воздухом. Могу засвидетельствовать, что на факультете психологии студенты равноправно участвовали в научных и организационных обсуждениях, что их время ценилось так же, как время маститого ученого. Например, декан Б. Г. Ананьев мог сначала принять студента, если подошло назначенное ему время, попросив подождать профессора или сотрудника ректората. Первокурсник мог смело задать вопрос и спорить с академиком. От него не отмахивались, а напротив, уважали его мнение.

Помню, мы сдавали общую психологию в летнюю сессию на первом курсе. Принимал экзамен сам БэГэ, как мы за глаза называли Ананьева. Он слушал нас молча, опустив глаза, как бы в раздумье, но очень внимательно. Ему всегда была свойственна эта углубленная манера слушания, раздумья. Ни тени суетливости, болтливости, обыденности. Ни тени рисовки, показной значительности. Естественность и благородная простота, красота мысли и слова.

Вообще, все наши учителя были яркими людьми. Каждый красив и обаятелен по-своему. Лев Маркович Веккер олицетворял чистую науку, теоретическую абстракцию. Веккер – это стальной блеск ума, высокопарность речи, уязвимость чуткой натуры. Поразительная сила абстрактного мышления, изощренные словесные построения – иначе невозможно выразить головоломную мысль. Внешний облик Веккера соответствовал представлениям о кабинетном ученом – толстые очки, худощавая сутуловатая фигура, вздернутые плечи, испытующий взгляд. В годы войны – блокадник (гордился медалью «За оборону Ленинграда»), в 80-е –

изгой, эмигрировал в США, и всю жизнь – интеллигент, преданный Петербургу и Ленинградскому – Петербургскому университету.

Владимир Николаевич Мясищев

Вспоминаю Владимира Николаевича Мясищева. В те времена он был уже пожилым, 1893 г. рождения, ученик самого Бехтерева и Лазурского. В нем сочетались конструктивность теоретика и проницательная мудрость практического психолога-клинициста. Голос тихий, взгляд вдумчивый, движения ровные, манера спокойная, какая-то умиротворяющая. К студентам относился добродушно и снисходительно, как мне показалось. В моем сознании он ассоциируется с другим крупнейшим психотерапевтом XX столетия Карлом Роджерсом.

Профессор Нина Александровна Тих, известный зоопсихолог, читала нам сравнительную психологию. Это были лекции-воспоминания. Она рассказывала об известных зоопсихологах Надежде Ладыгиной-Котц, Боровском и Рогинском, которых знала лично. Много рассказывала о своих зоопсихологических исследованиях в Сухумском обезьяньем питомнике. К своим подопытным Нина Александровна относилась как к разумным существам, а в людях видела много общего с обезьянами. И правда, в стаде приматов есть ревность, кокетство, лидерство, жалобы и симуляция – все, как у людей. Как-то на лекции Нина Александровна характерно оговорилась, речь шла о поведении в раннем детстве, вместо «ребенок» сказала «детеныш». Заметила и, не смущаясь, поправила оговорку. Смутить ее было трудно. Волевая и властная, рисковая и независимая. Я читала о ней в «Комсомольской правде», что в молодости наша Нина Александровна способствовала побегу своей татарской подруги из семьи, чтобы спасти ее от ненавистного жениха. На ее экзамене в самую первую сессию один первокурсник от волнения даже упал в обморок. Бедняга так и не сдал этот экзамен, отчислили из университета.

Когда я прибыла учиться в ЛГУ, меня как целевика из Казахстана встретил декан Борис Федорович Ломов. Потом я слушала его лекции по экспериментальной психологии, наблюдала в иных ситуациях непосредственного общения. О нем у меня сохранились светлые воспоминания и горечь от его ранней смерти. Борис Федорович умер в 1989 г. на посту директора Института психологии АН СССР. Этот пост был его поприщем и его Голгофой. Работал он всегда много, тянул воз организационных дел. В нашей науке воплощал связь с практикой, особенно с производственной сферой, космонавтикой и авиацией.

Борис Федорович Ломов

Студенческая жизнь была напряженной, насыщенной учебным трудом. Учиться было иногда трудно, но всегда интересно. Трудно было делать курсовые и дипломную работу, особенно экспериментировать. Мы жили хорошо, были уверены в прекрасном будущем, наслаждались общением с интересными сверстниками и старшими, впечатлениями от прекрасного города, его дворцов и библиотек, театров и музеев. Самые дорогие воспоминания от факультета и университета того времени – празднование 25-летия основания психологического отделения Ленинградского университета (29 мая 1969 г.), доклад Б. Г. Ананьева в Лектории ЛГУ «Будущее психологии» (1969) и его речь о Достоевском на вечере к 150-летию писателя (1971). А еще были незабываемый стройотряд на строительстве корпусов университета в Петергофе, путешествие в Михайловское с Ларисой Меньшиковой в октябре 1969, театр Товстоногова с удивительным актерским составом, когда в один вечер на сцене БДТ могли играть Борисов, Лебедев, Стржельчик, Лавров и Юрский – все это со мной навсегда.

Нынешним студентам-психологам хочется пожелать понимания настоящих ценностей. Чтобы они не соблазнялись подделками в науке и жизни, смело брали на себя ответственность за судьбу психологической науки и своей профессии. Я желаю молодым психологам понимать, любить родную научную школу и быть преданными ей.

Валерий Иванович Кабрин

доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности Томского государственного университета

Не скажу, чтобы у меня остались особо яркие воспоминания от учебного процесса, кроме того, что на практикуме по биологии мне пришлось отрезать голову лягушке, и тогда я порадовался, что все-таки занимаюсь более тонкой материей. Сейчас с удивлением обнаруживаю, что в студенческие годы я активно интересовался смежными аспектами психологии, наивно или мудро думая, что психологию и так освою. Это были контексты лингвистики, кибернетики, математики, эстетики. Думаю, что все же это был мудрый импульс, поскольку потом именно за счет таких научных интересов мне удалось хорошо почувствовать место психологического знания в системе наук. Конечно, это происходило с помощью знакомства с книгой Б. Г. Ананьева «Человек как предмет познания», в которой он опередил «психологическое время», заложив недостаточно освоенные до сих пор основы новой антропологической психологии. Об этом мне пришлось напомнить даже в своей последней статье «Антропологическая судьба субъекта».

Вспоминаются мне скорее лица, личности и дух той «эпохи шестидесятых». На четвертом курсе, по-моему, инициативами Наташи Гришиной, нас втроем (с Сашей Отюговым) пригласили в духе намечавшейся демократии в качестве молодых студентов на знаменитые социологические семинары, посвященные массовым коммуникациям, в эстонский поселок Кяэрику, спортбазу Тартуского университета. Знаменитые социологи с нами общались на равных и поощрили мое амбициозное сообщение о зарождавшейся тогда в моей голове многоуровневой концепции коммуникации. Сообщение потерпело фиаско, семиотический гештальт оказался незавершенным, но этот урок был настолько сильным, что в дальнейшем главную смысловую фигуру любого сообщения или лекции я заранее прорабатывал в сознании для большей свободы импровизации. Зато я получил незабываемое впечатление от первой встречи с финской сауной на берегу озера и купания в проруби, снявшего мою небольшую простуду. Тогда же я услышал альтернативную точку зрения на «пражские события 1968 года», а дискуссию с венгерскими студентами на эту же неприятную тему пришлось продолжать в летнем международном студенческом лагере под Балатоном.

Отмечаю, что с годами лица и личности наших преподавателей у меня становятся даже ярче. Недавно я отважился написать коротенькие эссе о Борисе Герасимовиче Ананьеве и Льве Марковиче Веккере, которые помещаю в конце этого текста. Конечно, нельзя не вспомнить и аутентичного Иосифа Марковича Палея. На таком временном расстоянии особенно выделяется фигура (не только по физическим параметрам) Евгения Сергеевича Кузьмина, который удивительным образом никогда не абстрагировал психологию от жизни, не любил теоретизирования, но был прозорливо чувствительным к нестандартным психологическим ситуациям. Я всегда чувствовал, что он внимателен ко мне именно как к личности, знал мои увлечения и странности. Когда мне отказали в доступе к самописцу (дорогому по тем временам электронному прибору), он по моей просьбе заставил лаборанта отдать мне его в личное пользование на время написания курсовой работы в общежитие (!); даже по нынешним временам почти неслыханный факт. То, что он остался в сохранности, меня до сих пор удивляет. Зато с его помощью я провел первые свои опыты динамического психосемантического анализа восприятия музыки профессионалами и дилетантами в Доме Союза композиторов. Тогда по наивности с помощью традиционной психологии я пытался изучать музыку, но теперь поступаю наоборот – с помощью музыки изучаю душевную динамику человека.

Кроме того, когда за мою непростительную шалость в студенческом общежитии меня лишили стипендии, Евгений Сергеевич, публично задав мне трепку, потом определил меня в

В. И. Кабрин. 1974 г.

качестве платного переводчика с немецкого и, возможно, не ведая того, существенно повысил мой языковой потенциал.

Вспоминая своих студенческих друзей, нахожу печальное подтверждение известной мудрости, что хорошие люди покидают этот мир раньше. Я имею в виду моих ушедших друзей – Александра Отюгова, Виктора Суслова, Надежду Чумакову. Хорошо, что мы еще можем, начиная со студенческих лет, продолжать интеллектуальные и эстетствующие дискуссии с Виктором Аллахвердовым. Конечно, я мог бы вспомнить еще многих и многих, но по-прежнему борюсь со своим многословием. Я музицировал с моими друзьями и с других факультетов. Кстати, на этой основе, чуть позже возникла *первая* рок-группа «Санкт-Петербург». И все это в моих воспоминаниях фатально окутано вечным эйдосом фантастических белых ночей и горячего зимнего пива Санкт-Петербурга, нонсенс по нынешним временам.

Чем старше я становился, тем больше чувствовал потребность при чтении любой книги, особенно профессиональной, видеть фотографию человека, ее написавшего (хотя бы самую случайную). Я чувствую, как она дает мне точку опоры, реальный ключ к пониманию того, что хотел сказать автор, почему он хотел это сказать и для кого, на самом деле, он пишет.

В 1966 г. Б. Г. Ананьев был для нас, первокурсников, не просто ярким интеллектуальным лидером; он был живым классиком, и пристальный интерес к нему, конечно, естественен. В его лице меня сразу поразило очень рельефное (слишком рельефное) сочетание интеллекта и воли, за которым позднее я почувствовал сильную укрощенную эмоциональность и открытую эстетическую позицию. Меня приятно удивляло, когда, читая лекции первокурсникам, при четкой структуре изложения он позволял себе как бы нечаянные ассоциации, очень меткие реплики в адрес конкретных музыкальных событий. На последней встрече Бориса Герасимовича с нами, уже выпускниками факультета психологии, мне навсегда запомнилась его мысль о том, что эстетические способности являются, возможно, центральными в структуре личности профессионального психолога. С годами я и мои сокурсники смогли по-настоящему оценить его настоятельную рекомендацию – не читать на первом курсе учебники, а читать монографии, а на первый экзамен по психологии приносить не шпаргалки, а полезные книги. Мне кажется, что это отчетливо сказалось на своеобразной продуктивности первого выпуска факультета. Каждый раз, когда я возвращаюсь к наиболее затронувшим меня его научным идеям, перед глазами несколько ракурсов – живых и фотографических, где всегда – интеллект… эстетика… воля…

Борис Герасимович Ананьев

Принято говорить о глобальных незавершенных научных программах Б. Г. Ананьева. Я же хочу вспомнить идеи, лежащие в основаниях этих программ и до сих пор не дающие мне покоя.

Новый виток комплексного подхода (после классических проектов В. М. Бехтерева) в психологических исследованиях, инициированных Ананьевым, был уже в контексте модных тогда системного и кибернетического подходов, которые весьма успешно развивались его учениками в психологии. Поэтому не выдерживают критики представления о том, что комплексный подход это якобы недооформленный системный. В концепции комплексного видения психической организации человека Ананьев оставил завораживающие степени свободы в виде коррелятивных связей между, на первый взгляд, несоизмеримыми событиями душевной жизни субъектного, личностного уровня и событиями психофизиологическими, психомоторными и ме-

таболическими; между сквозными тенденциями координации и субординации на разных уровнях – от органического до личностного и индивидуального. По-сути, Ананьев предлагал оригинальную версию реализации в психологических исследованиях *холистического* подхода, выходящего за рамки системного и имеющего космологическое значение. Именно эта таинственная коррелятивность несоразмерного в многоуровневой организации душевной жизни человека позволила в свое время предположить и исследовать феномен транскоммуникации, на основе которого возможно научное исследование наиболее дискуссионного сейчас *трансперсонального* фронта человекознания, точнее, антропологической психологии.

Такой масштаб анализа был заложен в основе комплексного подхода, одним из аспектов которого можно считать отчетливо представленное в основной работе Ананьева ноосферное измерение, открыто ассимилирующее масштабные идеи П. Т. де Шардена и В. И. Вернадского. На основе этого можно было уже решиться формулировать идеи ноэтической психологии и говорить о психологическом универсуме человека ноэтического. В этом контексте появилась возможность рассматривать метанойю как высшее духовное состояние человека в координатах научного, хотя и постнеклассического анализа, не подменяя этот анализ религиозными максимами.

Впрочем, масштаб психологического развития человека в онтогенезе Б. Г. Ананьев рассматривал в полном соответствии с современным холистическим подходом как целостное психосоматическое и нейродинамическое развитие в единстве двух контуров психофизиологического регулирования. Имеются в виду вертикальный (спинно-мозговой) и горизонтальный (межполушарный или билатеральный) контуры. Идея трансформации и переноса в онтогенезе регуляторных функций от низших к высшим (межполушарным) подготовила новое понимание духовного развития человека в зрелом возрасте как развития незатухающего, восходящего, экспоненциального. В этом смысле данная концепция Ананьева созвучна ключевым идеям и гипотезам известных современных антропологов – Г. Бейтсона, Ч. Пирса, Р. Шелдрейка и др. Возможно, эту идею Ананьев подтверждал не только своей жизнью, но и смертью. Не исключено, что об этом знают не только врачи и близкие…

Сейчас уже многим, и не только профессионалам, ясно, что смелые идеи Ананьева опередили свое время и могут получить полноценное развитие только сейчас. Не упустить бы нам эту возможность. Ананьев – человек, который после смерти продолжает становиться более живым, конечно, в ином, более совершенном ноэтическом ракурсе бытия.

Вот уже 40 лет эйдетическая сущность Льва Марковича Веккера, другого нашего учителя, в моем сознании остается удивительно живой. В живой непосредственный контакт с ним, будучи студентом первокурсником, я вступал очень редко и, как теперь кажется, не по существу. Но и при этом сразу поражала его особенная экспансивная откликаемость, которая могла бы показаться даже навязчивой, если бы не поразительная, по-детски чистая доброжелательность, особую трогательность которой придавала его выраженная близорукость. Массивные очки, удлиненный с горбинкой рельефный нос, выраженная астеническая конституция церебротоника с характерным живым блеском глаз делали его заметным в любой компании. Будучи синтонным ей, он все равно выглядел как бы не от мира сего, немножко марсианином…

Лев Маркович Веккер

Однако главное и самое интересное происходило на его лекциях. Читал он нам «психические процессы» на довольно сложном и, как я теперь понимаю, виртуозном уровне владения предметом. Не случайно некоторые девушки реагировали на его лекции как на знакомство с электричеством. Но дело не в том, о чем он рассказывал – дело в том, КАК он это делал. Повествуя о сложных «приключениях» изоморфизма в перцепции, Лев Маркович умудрялся буквально вытаскивать образ на кончик пальца как острие иглы и буквально любоваться им. Именно тогда тонкая *телесность* образа стала для меня навсегда самой

загадочной реальностью. Оказывается, это было видно и со стороны, когда я увидел себя, слушающего Веккера, на фотографии в университетской газете – с открытым ртом и широко раскрытыми глазами. Это была удивительная приобщенность к живому потоку и искусству мыслительной деятельности, ментальной жизни в полном смысле слова.

Несмотря на сенсуалистскую ориентацию, идущую от школы Б. Г. Ананьева, и пристрастие к фатальности психофизиологической проблемы, Льву Марковичу удавалось осязаемо и красочно живописать автономную самостоятельную активность перцептивно-мыслительных процессов, подкрепляя ее неожиданными живыми метафорами типа «мистики белых ночей». В таком контексте и по сей день эвристичная идея «информационно-энергетического инварианта» жизни интеллекта не выглядела абстрактно, но будоражила воображение. Завораживал акцент в анализе образа на процессе трансформации сукцессивного (последовательного) в симультанное (одновременное). Связь этого превращения с константностью (инвариантностью образа относительно хаоса сенсомоторной и сенсорецептивной динамики) говорила об автономности образных систем, о новых степенях свободы, пространственно-временных и информационно-энергетических соотношений. В словах и руках Льва Марковича образ становился панорамным и голографическим. Может быть, тогда я и начал чувствовать фундаментальную суверенность и своеобразие эйдетического мира человека в отличие от мира физического.

Мои научные интересы, на первый взгляд, находились далеко от научного направления Льва Марковича: транскоммуникация, трансперсональная психология, группа экзистенциального опыта. Но и в преподавании, и в тренинге я продолжал нести этот опыт со-участия в потоке мыслеобразов. Он стал для меня внутренним критерием качества собственного преподавания и групповой работы. То, что сейчас я с неугасающим интересом занимаюсь живыми образами в эйдетической коммуникации, в ноэтическом практикуме – мне видится в этом глубокая преемственность такого стиля живой науки.

Лично я не встречал в литературе более тщательного системного анализа многоуровневой организации психических процессов человека. На мой взгляд, и здесь Лев Маркович оказался непревзойденным виртуозом своего дела. Но это другая история...

Лариса Владимировна Меньшикова

доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии и педагогики Новосибирского государственного технического университета

Сейчас мне кажется, что кто-то своей мудрой и твердой рукой поставил меня на дорогу, которую я сама не выбирала, но эта дорога вполне мне подошла. Поступив на факультет психологии ЛГУ, я плохо представляла себе, что ждет впереди, но, как свойственно людям в таком юном возрасте, доверчиво смотрела на мир и ожидала много интересного и необычного.

Попала я на факультет психологии, можно сказать, случайно. Собиралась учиться на физическом факультете ЛГУ, но в последний момент передумала и по совету брата, который заканчивал в то время философский факультет ЛГУ, поступила неожиданно для себя на только что открывшийся факультет психологии. Об этом я никогда впоследствии не пожалела. Могу сказать даже больше: с возрастом и приобретением опыта работы выбранная сфера деятельности мне кажется все более интересной, наполненной смыслом и таинственно-притягательной.

Не могу не повторить фразу, которую тысячи раз до меня говорили другие: студенческие годы сейчас мне кажутся самым прекрасным и счастливым периодом в моей жизни. Потому что все еще было впереди, голова кружилась от свободы и самостоятельности (впервые я жила одна, в общежитии, вдали от моих дорогих мамы и папы, которые остались в другом городе – Краснодаре), передо мной открывался удивительный и прекрасный город, со своим стилем и неповторимой атмосферой, властное влияние которого ощущается буквально кожей. Симфония звуков, архитектурных ансамблей, Невы, закатов и рассветов – таких, которых нет нигде в другом месте, ощущение юной беззащитности, отчаянной смелости «у бездны на краю», минут полнейшей гармонии и тишины, которые внезапно посещали в библиотеках и музеях. Ну и, конечно, сам Университет и наш факультет на Красной улице.

Л. В. Меньшикова. 1966 г.

В годы нашей учебы факультет психологии ЛГУ был размещен во дворце графа А. Г. Бобринского, внебрачного сына Екатерины II и графа Г. Г. Орлова, и находился на ул. Красной (сейчас – Галерная), д. 60.

В воспоминаниях он предстает предо мной не просто архитектурным фоном происходивших событий, но их одушевленным участником. Порой мне даже кажется, что были два главных персонажа, определявших жизнь всего факультета: это Борис Герасимович Ананьев и дворец графа Бобринского. Они удивительно подходили друг другу, были настроены в унисон, и из их взаимодействия рождалась музыка, которая пронизывала интерьеры, воздух, проникала и в великолепные залы дворца, и в маленькие комнатки для горничных под крышей, где размещалась лаборатория дифференциальной психологии, попасть в которую можно было по узкой винтовой лестнице, круто взлетающей вверх [1]. Я помню, как зимой в этой лаборатории, глубоко втягивая в себя дым сигареты, сидит от холода закутанная в шаль доцент Галина Ивановна Акинщикова и с грустью рассуждает про «блеск и нищету», имея в виду плачевное состояние старинных аудиторий и то бедное довольствие, которое давалось на их поддержание. Действительно, в нашем знаменитом мраморном зале (ауд. 40), в котором читались поточные лекции и в котором в свое время танцевали А. С. Пушкин с Натальей Николаевной, бывали цари – Александр I и Николай I, понемногу отваливался целый угол, но ремонтировать было нельзя, поскольку дворец являлся памятником архитектуры и народным достоянием, что требовало очень квалифицированной реставрации. Угол был прикрыт скромной серой ширмой. Но были и отреставрирован-

Улица Красная (сейчас – Галерная). Справа – вход во двор дворца графа А. Г. Бобринского

[1] Когда я вспоминаю Бориса Герасимовича, у меня почему-то всегда возникают ассоциации, связанные с музыкой. Наверно, потому что Борис Герасимович был в душе музыкантом, ведь он всерьез собирался посвятить себя музыке. Когда мы учились, ходили даже слухи о том, что юношей он приехал в Ленинград из далекого Владикавказа, чтобы продолжить свое музыкальное образование. Но случайно попал на какую-то лекцию (или диспут, не помню в точности), где обсуждали проблемы психологии человека, и изменил свои намерения.

Росписи потолков
во дворце графа А. Г. Бобринского

Чугунные узоры лестниц

ные прекрасные комнаты с сохранившимися росписями потолков Джованни Скотти. Лестницы с великолепными чугунными решетками, к которым могли прикасаться в далеком XIX в. не только А. С. Пушкин, но и В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, А. М. Горчаков, посещавшие гостеприимный дом Бобринских, где был известный в Петербурге литературный салон.

Интересно было дотрагиваться до чугунных узоров, украшающих мраморные лестницы, казалось, что летом они источают прохладу, зимой – тепло и всегда – едва уловимый аромат прошедших времен.

Эта симфония прошлого и настоящего в лице Бориса Герасимовича и его идей создавала неповторимую атмосферу, которая невидимо присутствовала во всех делах факультета и наших поступках. Я думаю, что тогда мы это не осознавали, но некоторые, наверно, чувствовали. У Гоголя в одном из его произведений есть такие слова: «Он еще этого не знал, но душа его знала». Так и у нас: не осознавали, но наша душа это чувствовала и знала.

Это я вижу, например, в рисунках моей однокурсницы Наташи Логиновой, особенно в ее чудесных акварельных набросках, сделанных в те годы, на которых изображен наш факультет. Они передают ускользающую от слов таинственную красоту этого места. Один из таких набросков украшает обложку ее монографии, посвященной биографии Бориса Герасимовича Ананьева.

Когда мы учились на 2-м или 3-м курсе, в Ленинграде началось наводнение. Наш факультет с двух сторон окружен каналами, и вода быстро прибывала, затапливая графский двор, покрытый булыжником, до блеска отполированным прошедшими веками. Была поднята тревога, и студенты на фоне мрачного, покрытого черными тучами неба поспешно перетаскивали на верхние этажи тяжелые папки с данными экспериментальных исследований из бокового флигеля, где размещались лаборатории и, насколько помню, кафедра инженерной психологии.

На факультет можно было попасть, пересекая упомянутый булыжный двор, который из-за своей явной принадлежности к старинным временам был даже запечатлен в ряде художественных фильмов. На самом же деле, как я узнала потом, ко двору примыкал задний вход, а парадная дверь была со стороны сада. Есть предположение, что в XVIII в.

Дворец графа Бобринского. Акварель Н. А. Логиновой (1967 г.)

Одна из башен, украшающая дворец-усадьбу А. Г. Бобринского

прямо к этой двери был прорыт канал, чтобы можно было подплывать к дверям на лодках. Чудесный садик, огороженный толстой каменной стеной с башнями по углам.

В одной из этих башен у графа А. Г. Бобринского, как я читала, размещалась обсерватория, откуда он наблюдал за звездами. Также впоследствии я узнала, что есть предположение, что во дворце где-то спрятан клад, оставленный потомками Бобринского, вынужденными покинуть Россию после революции. Всего этого в студенческие годы я не знала, но человек

имеет способность каким-то образом улавливать колебания событий, скрытых в глубине времен. Осмелюсь все-таки предположить, что таинственное, значительное и прекрасное прошлое никогда не покидало этих мест и витало где-то рядом с нами, расширяя перспективы пространства и времени. А это не могло не отпечататься на душевном складе студентов (или хотя бы прикоснуться к нему), делая их внутреннюю жизнь более богатой, открытой для переживаний и размышлений. Так счастливо сошлись звезды, и суждено было Борису Герасимовичу, дворцу графа Бобринского и нам встретиться на бесконечных просторах вечности и вселенной и быть вместе.

Учиться, как я теперь вспоминаю, в целом мне не было трудно. Первый год, может быть, был труднее других из-за того, что впервые пришлось жить далеко от родителей, вне дома, из-за того, что обрушилось много новых впечатлений. Прекрасный, казавшийся мне таким мистическим новый город, однокурсники – мои сверстники, такие разные – каждый как целая Вселенная. Среди них выделялось несколько человек, которые произвели на меня глубокое впечатление, и сразу же, уже в первом колхозе, где мы начали знакомиться, я почувствовала, что наконец встретила людей, по-настоящему интересных, которые задевали струны души, потому что они могли отражать многообразие мира в диапазоне, близком мне, и в этом отражении все переливалось разными цветами, как в каплях росы. Я хорошо помню это ощущение удивления и некоторой растерянности, на смену которому пришло предчувствие какого-то будущего счастья и того, что мне не придется скучать на факультете. Это ощущение усилилось при встрече с нашими преподавателями: Борисом Герасимовичем Ананьевым, Львом Марковичем Веккером, Иосифом Марковичем Палеем и многими другими. О них можно вспоминать бесконечно, наша загадочная память хранит такие детали, которые, казалось бы, совсем должны быть забыты. Но они всплывают из глубины как картины, наполненные светом и теплом, и оживает наша великолепная аудитория номер 40 с расписным потолком, где мы слушали лекции по общей психологии, и таким уютным, залитым солнечными лучами балконом и садом. Летящие на потолке девы и амуры – хранители наших мечтаний и свидетели студенческого озорства.

Уровень преподавания на факультете в то время, на мой взгляд, был очень высоким. Самое главное – это то, что нам читали уникальные лекции и рассказывали о своих концепциях Борис Герасимович Ананьев, Лев Маркович Веккер, Иосиф Маркович Палей. Запомнились и другие замечательные преподаватели, оставившие как ученые заметный след в психологии и как яркие личности, навсегда запечатлевшиеся в моей памяти: это Борис Федорович Ломов, Евгений Сергеевич Кузьмин, Нина Александровна Тих, Августа Яковлевна Ярмоленко, Мария Даниловна Александрова, Алексей Александрович Бодалев, Нина Васильевна Кузьмина, Нина Альбертовна Розе-Грищенко, Галина Ивановна Акинщикова, Капитолина Дмитриевна Шафранская, Мария Дмитриевна Дворяшина, Валентина Николаевна Андреева, Геннадий Владимирович Суходольский, Владимир Александрович Ганзен, Елена Федоровна Рыбалко, Валентина Петровна Лисенкова и многие другие. О каждом из них можно было бы сказать немало добрых слов, каждый из них нес в себе своеобразный неповторимый мир и давал нам возможность прикоснуться к нему. Всех их объединяла глубокая внутренняя интеллигентность, увлеченность исследовательской работой и очень доброе заинтересованное отношение к студентам, что сейчас так редко встречается в среде вечно занятых и материально озабоченных современных преподавателей вуза. Такая концентрация доброты и интеллигентности создавала самую благоприятную атмосферу для развития научных интересов студентов и формирования их внутреннего мира.

Наиболее яркие впечатления в первый год обучения на факультете у меня остались от лекций Бориса Герасимовича Ананьева. Самое любопытное это то, что, хотя порой они и задевали глубоко какие-то неведомые струны души, тогда они воспринимались как нечто само собой разумеющееся. В молодости, пока не накопился жизненный опыт, даже встреча с гением может восприниматься как обычное событие, как будто иначе и быть не может. Сейчас, уже понимая, насколько уникальны были контакты с Борисом Герасимовичем, и не опасаясь впасть в высокий стиль, я бы сказала, что во время его лекций что-то сдвигалось в пространстве и казалось, что высоко в небе начинают звучать хоралы Баха, раскрывая тайны мироздания. Я хорошо помню характерный жест руками, когда Борис Герасимович соединял ладони рук перед собой на уровне груди в наиболее напряженные моменты лекции, словно

стараясь достичь предельной концентрации мысли и удержать, чтобы донести до нас ее неуловимую материю. В чем заключался секрет его неотразимого воздействия на слушателей? Этим вопросом задавались многие. В его манере чтения лекций были лед и пламень одновременно, холодный отточенный интеллект и сильная страсть, которая прорывалась иногда в жестах, иногда во взгляде. Эта страсть, как мне казалось, проистекала из жажды постижения тайны человека, и именно она давала силу мысли, натягивая лук и отправляя ее, как стрелу, в полет. Эти дивные переливы внутренне сдерживаемой страсти и просвещенного интеллекта создавали пространство высокой мысли, вовлекая слушателей как очарованных странников. Не зря одним из характерных оборотов речи Бориса Герасимовича были слова «в высшей степени», которыми он как бы приподнимал собеседников до высот своей мысли.

Студенческие библиотеки. Много времени мы, бедные студенты, просиживали в стенах разных библиотек. Научной литературы по психологии тогда почти совсем не было в продаже, в читальных залах – в ограниченном количестве, иногда в нескольких экземплярах. Даже по воскресеньям спешили в Публичку, приходилось простаивать очереди, чтобы попасть туда. Рекомендуемые монографии читали по очереди, порой засыпая над их страницами прямо за столом читального зала. Студент как умное животное: обычное дело – минут на 15 отключиться, поспать, положив голову на страницы очередного тома, потом встряхнуться и с новыми силами, ругая про себя классика, атаковать текст. В книгу С. Л. Рубинштейна «Бытие и сознание» нас бросили как котят, не умеющих плавать. Наивный первокурсник, преодолевая многочисленные преграды в виде собственной лени, длинных очередей в библиотеку, выигрывая соревнование со своими однокурсниками по бегу на финишной прямой перед дверями читального зала, спотыкаясь, задыхаясь и наконец получая в руки желанный том, не знал, что здесь-то и начинаются его настоящие мучения. Речь не шла о том, чтобы грызть гранит большой науки, хоть бы откусить небольшой кусочек, но в лучшем случае юному созданию удавалось лишь облизнуть холодную глыбу, за которой на самом деле скрывался целый мир глубоких философских размышлений. Бедняга смутно предчувствовал, что встреча с гигантом мысли добром не закончится, что и подтверждалось на ближайшем семинаре по общей психологии. Своя романтика во всем этом, несомненно, была. Были редкие, но запоминающиеся минуты, когда станет как-то по-особенному тихо на душе, сознание перестает сопротивляться, и все вдруг становится ясным как день.

О моем научном руководителе профессоре Льве Марковиче Веккере я могла бы написать много. Но здесь я хочу вспомнить всего один случай, который тронул меня до глубины души. Когда мы с Мариной Бергер (Холодной) впервые пришли ко Льву Марковичу, чтобы обсудить темы своих курсовых работ (это было, кажется, на 2-м курсе), он предложил нам написать, чем бы мы хотели заниматься в виде небольшого проекта, в котором бы были видны перспективы развития работы на будущее. Поразмыслив, я написала две странички со всякими гипотезами и вариантами и отдала Льву Марковичу. Думаю, что это было слегка нахальное сочинение, но оно было очень искреннее и совершенно самостоятельное. Прочитав мой опус, Лев Маркович со свойственным ему подчеркнутым уважением и вниманием, которое он всегда проявлял к любому собеседнику, серьезно обсуждал мой проект, и в итоге мы пришли к формулировке темы курсовой работы. После этого прошло почти семь лет, я уже защищала кандидатскую диссертацию, написанную под его руководством, и вот после защиты он подходит ко мне и с доброй, слегка лукавой улыбкой без слов протягивает эти два листочка, о которых я почти забыла. Боюсь, что у меня нет слов, чтобы раскрыть весь смысл этого поступка. Как мог он сохранить их? В его руке с пожелтевшими страничками и в этих добрых искрящихся глазах отразилась для меня вся сущность отношений между Учителем и учеником. Столь органичный для Льва Марковича изящный жест, завершивший гештальт, настолько человечный и глубокий по своей природе, что его невозможно раскрыть словами, но можно лишь хранить в душе как завещание. Лев Маркович одним движением руки показал, каким должен быть настоящий учитель и научный руководитель.

Я помню, как проходила одна из защит наших курсовых работ (на 3-м или 4-м курсе). К концу защит все были совсем уставшими (и студенты, и преподаватели – научные руководители) и уже плохо слушали друг друга, думая скорее всего о том, что пора бы и пообедать. Один Борис Герасимович Ананьев, сидевший перед нами за председательским столом, хотя он, наверно, тоже устал, сохранял полную собранность. Подперев голову рукой, внимательно

Борис Герасимович Ананьев

вслушивался в то, что иногда путано излагали студенты. Меня тогда поразили глубокая сосредоточенность его лица и такое серьезное отношение к нашим ученическим работам, которые вряд ли могли представлять большой интерес. Что он пытался в них разглядеть?

«Отстрелявшись», я наблюдала как отсветы глубоких неведомых окружающим мыслей и чувств временами скользили по лицу Бориса Герасимовича, делая его таким живым и красивым. Это напряжение мысли и невидимая, но явно ощущаемая внутренняя работа, неподвластная усталости, были направлены на то, чтобы приподнять простую учебную ситуацию над обыденностью. И один он мог это делать, когда все другие уже сдались, исчерпав свои ресурсы. Я все чаще думаю, что впечатления важнее информации. Прошло столько времени, я уже не помню, что мы докладывали, на какие вопросы отвечали, но помню выражение лица Бориса Герасимовича, которое тогда мне рассказало о многом.

Хорошо помню, как я сдавала экзамен по общей психологии Борису Герасимовичу Ананьеву на 1-м курсе. Во время обучения он не разрешал нам пользоваться учебниками, поскольку их качество не выдерживало в то время никакой критики. Мы были ориентированы на чтение оригиналов: серьезных монографий и научных статей. На экзамен по общей психологии Борис Герасимович разрешил приносить любую литературу и пользоваться ей. Некоторые мои однокурсники явились на это испытание с двумя-тремя увесистыми сумками книг. Несмотря на это, перед экзаменом в воздухе было разлито томительное ожидание и витал дух тревоги. Дело в том, что на нашем факультете был культ личности Бориса Герасимовича, все его уважали, любили, некоторые побаивались, и любой контакт с ним был значимым событием для каждого преподавателя и студента. Следует заметить, что вокруг Б. Г., как его называли ближайшие сотрудники, из-за его природного аристократизма всегда была некоторая аура недоступности и явного превосходства над окружающими, которую, возможно, сам Борис Герасимович и не замечал. Его чуткая, ранимая душа и высокая внутренняя культура обеспечивали ему безукоризненно действующий и гибкий механизм дистанции, который четко обозначал границы дозволенного в общении с ним, и мало кто решался их переходить. Близкое общение с ним вызывало у многих студентов внутренний трепет, который естественно усиливался в ситуации экзамена. На экзамене мне попался вопрос о происхождении сознания, довольно мутная, на мой взгляд, в психологии тема, которую я до сих пор не люблю. Буквально перед входом на экзамен я читала монографию известного фило-

софа А. Г. Спиркина о сознании, в которой он, освещая вопрос о его происхождении, живописно рассказывал, как в определенный момент эволюции обезьяны начали спускаться с деревьев на землю, возникло прямохождение, дальше – охота, огонь, костры, жареное мясо, общение, язык и труд – все то, что привело к появлению сознания. Этот фрагмент сразу вызвал у меня критическое отношение: «А кто это видел? Уж слишком много фантазии и подробностей». Во время подготовки я набросала краткий план ответа и, когда пришла моя очередь, волнуясь и усевшись на краешек стула, начала отвечать. И в этот момент перед моим внутренним взором ярко и совершенно отчетливо возникает фрагмент про обезьян из книги Спиркина, затмевая весь мой приготовленный план ответа. И я начинаю рассказывать, как обезьяны спустились на землю с деревьев, как начали ходить на двух лапах-ногах и т. д. В голове: «Что же я делаю?», в то время, как мой словоохотливый язык стремится поведать Борису Герасимовичу все подробности рискованного спуска обезьян на землю. Борис Герасимович с любопытством слушает, видит, что что-то не так: слишком долго я развиваю эту тему, и наводящим вопросом пытается сдвинуть меня дальше, но я с маниакальным упорством возвращаюсь к ней. Борис Герасимович начинает удивляться. Когда меня на третий заход повело рассказывать про то, как обезьяны спускались с деревьев на землю, он осторожно заглядывает в свою тетрадку, где были у него данные об уровне нашего интеллекта, и удивляется еще больше, поскольку, как я узнала позже, коэффициент у меня был вполне приличный. Короче говоря, вокруг буйствовала природа, нахальные обезьяны в огромных количествах спускались с деревьев и строили мне рожи, на меня смотрели задумчивые глаза Бориса Герасимовича, а меня медленно и безнадежно уносило течением в неизвестном направлении.

Как говорили раньше, опустим завесу сострадания над этой сценой. На самом деле все закончилось благополучно. Я, кажется, получила четверку. Борис Герасимович вообще был очень доброжелательным и снисходительным экзаменатором. Почти все мои однокурсники получили у него на экзамене пятерки и четверки.

Многое можно написать о дружеском общении с однокурсниками. Адаптироваться в студенческой среде намного легче, если ты получил место в общежитии. Там невольно сближаешься с теми, кто живет в твоей комнате и в других по соседству. Насколько я помню, мы поменяли 4 общежития (Старый Петергоф, ул. Добролюбова, Ново-Измайловский пр., ул. Детская), неизменным оставалось то, что везде мы жили втроем: Маша Бейсембиева, Наташа Логинова и я. Уживались друг с другом очень хорошо, несмотря на то, что были очень разными. Раскрывать тему общежитской жизни нужно особо: столько смешного, забавного, поучительного, а иногда и грустного случалось в ней. Поэтому в коротких воспоминаниях это просто не получится. Большую роль в формировании дружеских отношений сыграли наши поездки в колхоз с целью оказания помощи в прополке турнепса, сборе картошки и т. д. Надолго запомнился протяжный голос Васи Харченко рано по утрам, который у нас был за старшего в первой поездке в колхоз: «Лю-ю-юди, подъем!». Именно там складывались первые впечатления друг о друге и начиналось дружеское общение. Какие замечательные и трогательные у нас были эстонцы: Койт Ятса, Вольдемар Колга и Петер Ээбик в своих фирменных малиновых студенческих фуражках на 1-м курсе, с которыми мы по-братски терпели все трудности студенческого бытия. Мои дорогие однокурсники, упомянутые выше, а также Валера Кабрин, Инка Безбородко, Эстер Хайт, Лариса Шеховцова, Женя Тютюнник, Надя Чумакова, Таня Мишина, Марина Холодная, Вадим Журавель, Гарик Шейкман, Маша Ободовская, Володя Цветков, Витя Суслов, Володя Мурашко, Витя Аллахвердов и многие другие, сделали мою жизнь в студенческие годы, сами того не подозревая, насыщенной и интересной. Не хочется быть сентиментальной, но не могу не сказать, что душа моя наполнена чувством благодарности к судьбе за то, что мне посчастливилось быть рядом с ними. В тайниках моего сердца живут их милые юные лица, слышатся их голоса и все залито весенним светом.

Новому поколению студентов-психологов я бы хотела пожелать видеть в психологии не средство, позволяющее зарабатывать деньги и устраиваться в жизни, а повод задуматься о красоте мироздания и человека, сотворенных Богом. О происшедшем искажении природы человека и о поисках путей ее восстановления. Поиски истины требуют труда и мужества, но к честным исследователям нисходит дар небес – вдохновение, открывающее завесы тайны. Желаю им идти по этому пути и не задерживаться долго в сытных харчевнях, которые делают человека ленивым и затягивают в сети обыденности и соблазнов. Мне бы очень хотелось, чтобы студенты больше удивлялись и в этом походили на детей, готовых в любой момент отправиться в дальнее странствие по просторам науки психологии в поисках ответа на вопросы, которые задает им жизнь и их собственная душа.

Материал поступил в редколлегию 02.08.2011